

ПЯТЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ФИННО-УГРОВЕДОВ

20—27 августа 1980 года в г. Турку (Финляндия) проходил V Международный конгресс финно-угроведов. В его работе участвовало около 800 ученых из 22 стран.

Из пяти докладов, прочитанных на пленарных заседаниях, три были посвящены языкознанию. Наиболее объемная и центральная проблема рассматривалась в докладе М. Корхонена (Хельсинки) «О структурально-типологических тенденциях в уральских языках». В последнее время исследователи общих закономерностей типологического развития языков все больше склоняются к мнению, что развитие от изолирующего типа через агглютинирующий к флектирующему представляет собой повторяющийся циклический процесс. М. Корхонен попытался ответить на вопрос, в какой мере подтверждение этой гипотезы можно найти в материалах уральских языков. Уральский и финно-угорский праязыки реконструируются в основном как языки агглютинирующего типа. Со временем агглютинирующий характер финно-угорских языков усилился. Если в финно-угорском праязыке выделяются шесть падежных форм, то в современных языках их гораздо больше. С другой стороны, наблюдается следующее явление: в результате звуковых изменений окончания в определенных условиях отпадают и возникают многочисленные морфофонологические чередования; таким образом идет сближение с флектирующим типом. Наибольшее развитие эта тенденция получила в эстонском, ливском и саамском языках. Отказ от посессивных суффиксов (фин. *isäni ~ minun isä* 'мой отец', в эстонском языке только *minu isa*) Корхонен считает признаком, указывающим на будущее развитие в направлении изолирующего типа. В уральском праязыке объект и атрибут в ряде случаев не имели падежных окончаний; различие частей речи в уральских языках произошло относительно поздно. Эти явления можно толковать как реликты изолирующего типа языка, который, вероятно, предшествовал уральскому праязыку. Тот факт, что реконструируемые уральские суффиксы многозначны, а с другой сто-

роны, разные суффиксы могут выполнять одну и ту же функцию, Корхонен считает возможным наследием еще более древнего прошлого, когда доминировал предшествовавший изолирующему флектирующий тип языка.

Доклад Л. Пости (Хельсинки) был посвящен известному в ряде прибалтийско-финских языков возвратному спряжению, имеющему отличные от основного спряжения личные окончания. По мнению Пости, возникновение этого спряжения связано с влиянием русского языка. П. Хайду (Будапешт) в докладе «Стилистически мотивированные и жанрово обусловленные изменения в уральских языках» подверг анализу особенности поэтического языка, которые могут оказать влияние на развитие языка в целом.

Новым в организации работы конгресса были т. н. стендовые доклады, когда материалы исследования помещались на стенде и в назначенное время автор его выступал у стенда с докладом. Здесь же задавались вопросы и желающие могли высказаться по затронутой проблеме. На форумах лингвистов такая форма работы до сих пор использовалась редко, поэтому соответствующий опыт конгресса в Турку заслуживает внимания в связи с подготовкой подобных мероприятий в будущем.

День стендовых докладов в Турку в целом оставил хорошее впечатление; недостатки следует отнести на счет докладчиков, большинство из которых ограничилось формальной подборкой материала для стенда. Эту ошибку легко исправить, снабдив предварительно докладчиков соответствующими рекомендациями.

На стендах было представлено около 20 докладов по лингвистике («около» — потому что часть из них была из смежных с языкознанием отраслей). Наибольший интерес вызвали две работы: О. Садовски (Фуллертон) «Обско-угорские элементы в причастиях, глагольных приставках и послелогах винтунских языков» и В. Фезнкера (Гамбург) «План систематизированного морфологического описания уральских языков.» В докладе

О. Садовски впервые приведены чрезвычайно интересные данные о параллелях в языках индейцев Калифорнии и обско-угорских языках. Доклад В. Феэнкера реферруется ниже.

С применением ЭВМ было связано пять докладов, темы двух из них ранее нигде не фигурировали: Э. Нийт (Таллин) «Структура балтийского просодического ареала и место эстонских диалектов в нем», в котором отмечено наличие скандинавской интонации в северо-западных диалектах Эстонии, обусловленное географической близостью; Ю. Виск, М. Реммель (Таллин) «Автоматический синтаксический анализ параллельных текстов в некоторых финно-угорских языках», в котором показана возможность строить компаративный синтаксис, опираясь на существование параллельных текстов.

Подавляющее большинство докладов было зачитано на заседаниях восьми секций: 1) фонология и морфология (одновременно работали две группы), 2) синтаксис и семантика, 3) лексикология и ономастика, 4) другие доклады по лингвистике (в основном социолингвистика, языковые контакты, лингвистика текста), 5) этнология, 6) фольклор и мифология, 7) археология и физическая антропология, 8) литература.

Среди докладов, представленных в секции фонологии и морфологии, отметим прежде всего посвященные исторической фонетике отдельных языков и языковых групп. Т.-Р. Вийтсо (Таллин) анализировал типы и развитие чередования ступеней в прибалтийско-финских языках. Он различает два основных типа — качественное чередование и количественное, или акцентное, чередование, которые в свою очередь имеют подтипы. Объектом исследования А. Лаанеста (Таллин) был предполагаемый древнекарельский язык, от которого произошли современный карельский язык, восточнофинские диалекты и ижорский язык. В. Кельмаков (Ижевск) отметил, что происшедшая в общепермском языке утрата конечного гласного основы была важным фактором, вызвавшим ряд иных звукоизменений: утрату смычных финно-угорского происхождения внутри слова, упрощение сочетаний согласных, в том числе деназализацию в сочетании носовой + смычный (**lante* > **lant* > *lud*

'луг; поле'), преобразование системы ударения. Р. Т. Хармс (Остен) говорил о развитии гласных среднего ряда в коми диалектах. Р. Баталова (Москва) отметила ареалы новейших звукоизменений пермских языков. Ю. Морев (Томск) показал, что в самодийских языках следует различать геминированные и долгие согласные, имеющие разное происхождение и занимающие разные места в морфологической системе. Л. Галахова (Ленинград) анализировала развитие смычных на конце слога (в сочетаниях *kl, kr, tr, tv, pl, pr*) в финских говорах Ленинградской области, уточнив лингвогеографические сведения о них.

Несколько докладов было посвящено проблеме синхронических правил гармонии гласных. По этой же теме проведен симпозиум. К.-О. Ринген (Айова Сити) сопоставила системы гармонии гласных в финском и венгерском языках, С. Сухонен (Хельсинки) дал обзор особенностей гармонии гласных в разных прибалтийско-финских языках; о саамском языке говорил И. Батори (Бонн-Тюбинген), о двух хантыйских диалектах — Э. Вертеш (Будапешт) и Л. Шифер (Мюнхен). На симпозиуме выявилось большое разнообразие в подходах к решению проблемы. Когда координатор симпозиума П. Саммаллахти (Хельсинки) высказал мнение, что в финском языке настоящей гармонии гласных нет, а имеется псевдогармония, поскольку выступают нейтральные гласные *e, i*, то ему возразили, что именно наличие нейтральных гласных служит обязательной предпосылкой фонологически релевантной гармонии гласных, без них мы имели бы явление на уровне аллофонии. В ходе симпозиума не было достигнуто единого мнения по вопросам методологии и терминологии, однако участники смогли более детально изучить имеющиеся точки зрения.

На секции обсуждались и другие вопросы синхронной фонологии и фонетики. М. Зайцева (Петрозаводск) исследовала вепскую палатализацию в фонологическом аспекте и пришла к выводу, что в говоре Шимозеро имеются фонемы *t', d', s', z', n', r', l', k', g', m', p', v, h'*. Два доклада были посвящены экспериментальной фонетике. А. Ийвонен (Хельсинки) рассмотрел интонацию вопросительных предложений финского языка, И. Ле-

хисте (Колумбус) — сигналы, разграничивающие предложения и абзацы в эстонском языке. И. Урбан (Будапешт) описала фонематический характер венгерской орфографии.

Во второй группе этой секции читывались доклады по морфологии, в том числе работы, предназначенные для обсуждения в рамках симпозиума «Продуктивность и непродуктивность словообразования». Стенды почти не использовались, хотя по ряду докладов эта форма была бы целесообразна.

Ниже резюмируется проблематика докладов (частично на основе тезисов).

Чрезвычайно существенной можно считать попытку В. Фээнкера унифицировать морфологическое описание уральских языков. Докладчик с помощью примеров из некоторых уральских языков продемонстрировал универсальную модель морфологического описания (единственный из докладов по морфологии, представленный на стенде). Его идее, вернее ходу его размышлений вторила попытка А. Кяхрик (Таллин) выделить типы спряжения южновепского диалекта: типы спряжения по возможности определялись с помощью тех процедур, которые использованы при выявлении типов спряжения в эстонском языке.

Во многих докладах уточнялись и исправлялись принятые в финно-угроведении положения. Б. Серебренников (Москва) указал на веские факты в склонении и спряжении (а также в лексике) пермских и обско-угорских языков, в свете которых правильнее говорить о пермско-угорской общности финно-угорских языков. Пермская и угорская общая лексика ранее рассматривалась как заимствованная из коми языка; по мнению же докладчика, роль коми языка как источника заимствования преувеличена. Д. Гено (Флоренция) придерживается мнения, что нет оснований говорить о волжском периоде в истории финно-угорских языков. К такому заключению он пришел, сопоставив общие морфологические (а также синтаксические) черты эрзя-мордовского и марийского языков с таковыми других финно-угорских языков.

Р. Аустерлиц (Нью-Йорк) рассмотрел наличие некоторых морфологических категорий в языках североевразийской ти-

пологической языковой группы (географически — от Лапландии до Японии). В результате он высказал предположение о том, что основой агглютинации могла служить система местоимений: в языках, где местоимений нет (не было) — например, японском, корейском — отсутствует и основанная на суффиксах падежная система. Особый тип агглютинации представляет языковая группа, к которой относятся кетский, юкагирский, чукотский, корякский, эскимосский, баскский и некоторые другие языки — это инкорпорирующий тип, где функционируют слова-предложения и где поэтому субъект и объект как грамматические категории могут быть неизвестны. Более подробный анализ разных типов агглютинации еще предстоит.

Попытку хронологизировать историю финно-угорских языков предприняла К. Майтинская (Москва). Она подчеркнула необходимость этимологизации обеих частей послелога — основы и суффикса. С помощью такой процедуры можно заключить, что послелогов не было в финно-угорском праязыке, и также сразу после распада его — в прибалтийско-финско-саамский и угорский период. Прослеживая развитие послелогов, до финно-угорского праязыка можно дойти только при этимологизации лишь основы послелога.

О факторах, влияющих на систему спряжения, говорилось в докладе М. Рудзите (Рига), в котором анализировались изменения ливской морфологической системы под влиянием латышского языка. В дополнение к опубликованному по этой теме материалу М. Рудзите констатировала: 1) в ливском языке практически исчезли внешнеместные падежи; 2) сократилась частота употребления абессива, транслатива-комитатива и иллатива; 3) в стадии исчезновения находится инфинитив на *-ta*. Об изменениях в парадигме спряжения южновепского диалекта (частично под влиянием русского языка) речь шла во вступительной части доклада А. Кяхрик:

Некоторые падежные окончания пермских языков анализировала Т. Тепляшина (Москва), группу марийских местных падежей — Е. Коведяева (Москва). Х. Ремес (Йоэнсуу) обратил внимание на сложные различия в фонологоморфологической структуре даже между

такими близкородственными языками, как эстонский и финский. Эту область языковеды до сих пор почти не затрагивали. Сложность же проблем может выявиться при обучении языку. Докладчик показал это на наиболее ярких фонологическо-морфологических особенностях словоизменения эстонского языка, освоение которых представляет трудность для финских студентов.

Изменениям системы спряжения венгерского языка в XIV веке был посвящен доклад Л. Якоби (Дебрецен), энецкую падежную систему рассматривала И. Сорокина (Ленинград).

В некоторых докладах затрагивались проблемы признака множественного числа. Наиболее широко эта тема рассматривалась в докладе К. Реден (Вена). Четыре суффикса множественности уральского праязыка *t*, *k*, *n*, *i* существуют и поныне, но лишь в немногих финно-угорских языках представлены все четыре. В наше время трудно сказать, была ли в праязыке целостная система четырех признаков либо разные признаки связаны с различными диалектами праязыка или разными этапами его развития. Затрудняет решение этого вопроса и то обстоятельство, что в отдельных уральских языках эти признаки теперь выполняют очень разные функции. К. Реден представил употребление *t*, *k*, *n* и *i* и их функции в современных уральских языках, а также реконструировал их происхождение и значение. Была приведена и дистрибуция признаков множественности в праязыке. Л. Керестеша (Дебрецен) заинтересовало, почему элементы *n* и *k* в праязыке обозначали как двойственность, так и множественность. Он считает, что один и тот же признак мог обозначать двойственность или множественность в зависимости от того, к какой части речи он присоединялся: личное местоимение $+n \rightarrow$ двойств. ч., существительное $+n \rightarrow$ мн. ч.; личное местоимение $+k \rightarrow$ мн. ч., существительное $+k \rightarrow$ двойств. ч. П. Альвре (Тарту) проследил за судьбой суффикса множественного числа *i* в некоторых типах слов эстонского, водского, карельского, ижорского и финского языков, где *i* как второй компонент дифтонга исчез. Результат — сходство форм единственного и множественного числа. Для различения

позже *i* восстановился, однако уже как явление аналогии под влиянием второстепенного ударения в слове. Другая возможность: изменилось спряжение критического слова. А. Валмет (Тарту) отметила центральную часть Эстонии как самый стабильный ареал множественного числа на *t*; во всех падежах, кроме партитива, признаком множественного числа здесь служит *t*. А. Лаанест (Таллин) отнес возникновение суффикса множественного числа *loi* к т. н. древнекарельскому периоду.

Некоторые проблемы словообразования рассматривались в докладах П. Пальмеос (Тарту) и Э. Росс (Таллин). П. Пальмеос говорила о суффиксах *nik* (это, как правило, суффикс лица) и *šk* (уменьшительно-уничижительный суффикс), которые, очевидно, заимствованы в вепский и карельский языки из русского языка. Э. Росс представила всесторонний анализ дериватов на *as*, *es* и *is*: модели словообразования, изменения в процессе словообразования, направления распространения суффиксов, отношения между производными. Доклад базировался на материале эстонских диалектов.

Работу симпозиума «Продуктивность и непродуктивность словообразования» координировала Э. Кангасмаа-Минн (Турку). В программу входили пять докладов, опубликованных в третьем томе материалов конгресса.

В части докладов рассматривались отдельные суффиксы. П. Ринтала (Турку) определила место деминутивов в современном финском языке (точнее — речь шла о части деминутивов — производных, в которых суффикс добавляет основному слову, гесп. основе значение 'маленький', а также ласкательных производных). Поскольку основной материал (современный финский язык) почерпнут из словарей, выводы о продуктивности суффиксов невозможно перенести на уровень практического пользования языком. Все же в общих чертах ясно, что наиболее продуктивен в финском языке деминутивный суффикс *nen*. Кстати, интересно, что *nen* в т. н. детском языке употребляется случайно и то не самостоятельно, а как часть сложного суффикса.

В докладе Т. Кестюша (Геттинген) рассматривались фреквентативные слож-

ные суффиксы венгерского языка. Г. Ганшов (Мюнхен), анализируя коми основы на *-j* ~ *-k* и финские основы на *-a/-ä*, *-e* (< *-ek*), *-vi*, *-u/-y*, а также обско-угорские основы на *-γ* пришел к выводу, что эти основы имеют общее происхождение и ведут свое начало от морфемы *-ap/-är* финно-угорского праязыка.

Более теоретический характер носили доклады А. Рауна (Блумингтон) и Р. Казик (Тарту). Поскольку специалисты по деривации еще не дали общего точного определения продуктивности, А. Раун считал необходимым подчеркнуть комплексность понятия деривационной продуктивности. Отсюда — необходимость каждую соответствующую конкретную исследовательскую тему начинать с определения понятия. Одно возможное толкование выявила Р. Казик. Понятия продуктивности и активности словообразовательного суффикса она дефинировала следующим образом.

В случае диахронического подхода объектами исследования служат все имеющиеся производные. Критерием продуктивности является их количество: чем больше зафиксировано производных с данным суффиксом, тем он продуктивнее. Продуктивные суффиксы не представляют особых требований к производящей основе, т. е. могут присоединяться как к основе, так и к суффиксу и любым частям речи. При синхронном подходе объектом является процесс словообразования (= модель деривации важнее, чем словообразовательный суффикс). Здесь существен грамматический аспект: продуктивен суффикс, с помощью которого можно образовать производные от всех производящих основ с определенными признаками. Количество производных в данном случае не является показателем. Активность суффикса — это качественный показатель и зависит от внеязыковых факторов: активен т. н. живой суффикс. Трактовка Р. Казик вызвала ряд возражений. Поскольку автор на конгрессе не присутствовала, возражения остались без обсуждения. Очевидно, в этих вопросах довольно трудно придти к единому мнению, поэтому завершающим осталось пожелание: каждый конкретный анализ подобной проблемы должен начинаться с определения понятия продуктивности.

В секцию синтаксиса и семантики было представлено более 40 докладов. Чаще других — в 17 из них — рассматривался финский язык. Четверть докладов секции представили венгры, отсюда естественно, что по популярности венгерский язык был вторым. Из советских ученых преобладали эстонцы, что и понятно, так как в небольших центрах финно-угроведения исследование синтаксиса только начинается.

В последние десятилетия исследовательские методы в области синтаксиса претерпели значительные изменения и в докладах конгресса отразилась их пестрота. Авторы пользовались самыми различными методами — от компаративистики до современных логико-семантических приемов. Обширной была и тематика. Некоторые доклады остались в пограничной между синтаксисом и морфологией области, рассматривая в основном происхождение отдельных формантов. В большинстве анализировалось функционирование той или иной синтаксической категории в одном или нескольких языках; пару раз речь шла и о вопросах общей семантики.

В этой пестроте было все же два симпозиума, где внимание концентрировалось на более узком круге проблем. На симпозиумах обсуждались непосредственно перед конгрессом опубликованные доклады, тем самым была возможность заранее познакомиться с ходом рассуждений авторов. В дискуссии, кроме автора, участвовали и другие специалисты по данной проблеме, задавать же вопросы и высказывать свое суждение могли все собравшиеся. Такая организация работы, несомненно, оказалась плодотворной и, нужно надеяться, найдет применение на крупных форумах и в дальнейшем. Нужно лишь, чтобы времени для обсуждения предусматривалось больше, чем на конгрессе в Турку.

Для симпозиума по теме «Номинальные структуры глаголов в финно-угорских языках» предварительно было опубликовано шесть докладов, пять из которых рассматривали инфинитивные конструкции. Координатор П. Саукконен (Оулу) подчеркнул, что данный симпозиум связан с центральной темой («Структуры языка и культуры: сопоставление и развитие») всего конгресса. И действительно

но, анализировалось происхождение инфинитивных форм, сопоставлялось функционирование их в родственных языках; выводы носили и характер теоретических обобщений. В. Шлахтер (Геттинген) и Ш. Карой (Будапешт) рассматривали семантико-прагматическое положение инфинитива в предложении. Оба подчеркнули, что инфинитив не составляет самостоятельного члена предложения, а выступает как компонент члена предложения и связан с его семантикой. По Шлахтеру, инфинитив несет максимальную информацию и относится к реме. Карой утверждал, что в конструкции с предикативным глаголом инфинитив выражает вторичное действие, основное же действие передает финитная форма глагола.

Нюансы модальности (а именно — варианты возможности и невозможности), проявляющиеся в инфинитивных конструкциях, анализировала Л. Хартунг (Берлин), которая попыталась установить способы их выражения в финском и немецком языках. В ходе дискуссии А. Хаккулинен (Ювяскюля) привела семантическую классификацию финских модальных глаголов, которая в значительной мере дополнила доклад Л. Хартунг. Отношения инфинитива с другими именными формами глагола рассмотрели Х. Неэтар (Таллин) и Г. Лабади (Сегед). Первая анализировала отношения инфинитива на *-ta* и отглагольного суффикса *-ta* в эстонских диалектах, вторая — финальные конструкции в ненецком языке, но интересовала их общая проблема: когда именная форма глагола — инфинитив, когда — отглагольное имя. В этом аспекте соприкасался с темой инфинитивов и шестой доклад симпозиума: Г. Берецки (Будапешт) «Параллельные явления в области причастных конструкций в финно-угорских и тюркских языках Поволжья». Речь шла в основном о причастиях прошедшего времени в марийском и тюркско-татарских языках Поволжья. Два упомянутых последними докладом дополнил М. Чепреги (Будапешт) фактами из хантыйского языка, где инфинитивные конструкции очень архаичны. Ведь общеизвестно, что чужие синтаксические конструкции языками легко не заимствуются. Чужая конструкция вторгается тогда, если в своем языке соответствующее место пусто. И даже в

таком случае нужны дополнительные условия: длительный контакт или типологическое сходство. Вторжению тюркско-татарских элементов в марийский язык способствовали оба.

О марийском языке речь шла также в докладе П. Кокла (Таллин), посвященном происхождению инфинитивных форм. Автор уделил особое внимание форме на *-šaš*, которую принято считать причастием будущего времени. П. Кокла подчеркнул, что часть форм на *-šaš* все же функционирует аналогично инфинитивам.

Теме симпозиума созвучен доклад А. Кюннапа (Тарту) о развитии инфинитивных глагольных форм в южносамодийских языках. В нем критиковались существующие объяснения и утверждалось, что рассматриваемые формы развивались двумя путями: основа глагола + отглагольный суффикс существительного и основа глагола + отглагольный суффикс существительного + падежное окончание.

На втором симпозиуме секции синтаксиса и семантики рассматривались экзистенциальные предложения. Работу координировал А. Хаканен (Турку), в обсуждении, кроме авторов, участвовали О. Икола, К. Бергсланд, П. Сиро, Б. Комри, Ф. Карлссон, И. Лехисте и Э. Шифер. На симпозиуме было представлено четыре доклада. Г. Секей (Шюмег) применил логический анализ универсальной грамматики Монтегю к экзистенциальным предложениям некоторых угорских языков. К. Радич (Будапешт) говорил о типологическом и грамматическом своеобразии номинативных предложений венгерского языка. Он не согласен с делением глагола 'быть' на глаголы бытия, владения и связывающего глагола, а подчеркнул его специфические функции. Б. Вякьяки (Миннеаполис) анализировал семантические отношения экзистенциальных предложений финского языка и нашел, что бытие, владение, отношение части — целого и чистая локализация хотя и близкие понятия, но синтаксические средства могут их все-таки различать. Е. Тойвайнен (Стокгольм) на материале группы изучения детского языка при Оулуском университете проследил, как развивается структура экзистенциального предложения в речи детей 1—3 лет.

Дискуссия в основном шла вокруг

финского языка. Интерес к экзистенциальным предложениям как к характерным структурам прибалтийско-финских языков зародился у финнов еще в 50-е годы — отсюда и преобладание их среди участников дискуссии. И все же единого мнения при определении объема значений экзистенциального предложения достичь не удалось.

Для остальных докладов трудно подобрать общую тему. Четверо выступавших имели в виду всю финно-угорскую, гесп. уральскую языковую семью. Б. Комри (Лос Анжелес) рассмотрел возможности присоединения признаков глагольных категорий к вспомогательным и основным глаголам и пришел к выводу, что вид и залог — скорее лексические категории, поскольку их признаки не присоединяются к вспомогательным глаголам. Доклад Э. Шифера (Мюнхен) о пассиве в финно-угорских языках вызвал оживленную дискуссию.

О синтаксисе уральского праязыка известно вообще мало. Например, в сравнительной грамматике Б. Коллиндера весь синтаксис занимает только пять страниц. Конгресс добавил к этому немного. Т. Микола (Сегед) анализировал роль указательных местоимений в праязыке и сделал вывод, что сначала они функционировали как приложения. Послелогои же, происшедшие от местоименных основ, могли развиваться в послелогои именно в аппозитивных сочетаниях, а не в possessивных конструкциях. Х. Катц (Мюнхен) поднял вопрос о том, был ли уральский праязык эргативным языком. В основном опираясь на угорские языки, он ответил положительно и выдвинул гипотезу о том, что полуданкциональный падеж на *-l* был эргативом. Следует добавить, что понятие эргатива, предложенное Катцем, отличается от общепринятого и вызвало возражения.

С результатами подробного анализа структуры предложения познакомили Х. Рятсеп и Ф. Карлссон. Х. Рятсеп (Тарту) представил 24 основных типа простого предложения эстонского языка, которые легко сопоставить с соответствующими типами других языков. Ф. Карлссон (Турку) вместе с А. Хакулинемом при помощи ЭВМ подверг анализу 120 финских текстов (всего 10000 предложений) с точки зрения 60 семанти-

ческих и синтаксических признаков. В докладе содержались основные результаты статистического анализа и поднимался ряд вопросов: как ограничить подборку исследуемого материала, в какой мере полезно количественное исследование при разработке грамматики языка, какую пользу может принести ЭВМ. Работу Карлссона и Хакулинина обязательно нужно учесть, приступая к изучению синтаксических структур других финно-угорских языков.

Три доклада были посвящены семантике и синтаксису падежей. А. Алквист (Гайллим) сопоставил падежи финского языка с ирландскими предлогами, обнаружив как сходные, так и различающиеся структуры. А.-Р. Хаузенберг (Таллин) попыталась сопоставить эстонский и коми элатывы на основе их синтаксических функций и глубинной семантической структуры. Х. Темисевя (Хямеенлинна) показала, что семантическими компонентами финских местных падежей являются дименсиональность, транзитивность, ограничительность, экстенциональность.

Т. Сейленталь (Тарту) и А. Шебештьен (Дебрецен) говорили о развитии послелогов в угорских языках. В двух докладах шла речь о финских союзах: П. Пулккинен (Ювяскюля) представил семантическую классификацию союзов финского языка, а Д. Вайнгард-Терявяйнен (Нью-Йорк) доказал, что около ста лет назад существовавшие в финском языке две конъюнкционные системы в современном языке начали сливаться воедино.

В секции лексикологии и ономастики было заслушано более 30 докладов, весьма разноплановых по тематике. Часть из них объединяла тема «Этимология и лингвистическая география особенно с точки зрения Европейского лингвистического атласа». Именно так был назван и симпозиум, на котором обсуждались доклады П. Аристэ, Б. Кальмана, Б. Викмана, Х. Лескинена, А. Ракина и Т. Итконена, предварительно опубликованные и уже прозвучавшие на заседаниях секции.

В последнее время повсюду особое внимание уделяется составлению этимологических словарей. «Suomen kielen etymologinen sanakirja», «A magyar

szókészlet finnugor elemei» и «A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára», «Краткий этимологический словарь коми языка», «Этимологический словарь мари языка» предоставили в распоряжение ученых обширный материал. На симпозиуме подчеркивалось, что в этимологических исследованиях важная роль принадлежит лингвогеографическому аспекту. Много интересного может дать, например, картографирование отдельных слов, взаимосвязей между словами и ареалов распространения.

П. Аристэ (Тарту) в своем докладе «Изменения водской лексики» показал, как могут повлиять на язык социальные, политические и культурные контакты. В разные времена водь заимствовала слова у русских (*akkuna* 'окно'), ижорцев (*voima* 'сила') и финнов (*müllü*, фин. *mylly* 'мельница'). У эстонцев заимствованы слова, выражающие новые понятия культуры. Среди них много слов, которые эстонцы в свою очередь заимствовали из ниже- или верхненемецкого языка, например, *krävi* 'винт', *müri* 'стена', *vokki* 'прялка' и т. д. Через посредство финского языка в водский язык попало большинство шведских заимствованных слов.

Б. Кальман (Дебрецен) сопоставлял Европейский лингвистический атлас и венгерский диалектный атлас, Б. Викман (Упсала) говорил о смешении диалектов в северной части Гялявере — в Швеции, где говорят в основном на саамском диалекте Луле; А. Ракин (Сыктывкар) уточнил старые и привел новые этимологии коми названий растений. Х. Лескинен (Ювяскюля) анализировал финско-карельскую лексику, исходя из 546 вопросов Европейского лингвистического атласа. Весь материал он распределил, принимая во внимание распространение слов, на пять групп: 1) слова, общие для всех или почти всех прибалтийско-финских народов; 2) слова, которые встречаются в обоих основных финских диалектах, в ливвиковском и людиковском диалектах карельского языка, в вепском языке и иногда также в водском языке (напр., *harava* 'грабли', *pöly* 'пыль'); 3) финско-карельские слова (*keuhko* 'легкие', *sulhanen* 'жених'); 4) слова, встречающиеся в восточных диалектах финского языка, карельских ливвиковском и людиковском

диалектах и вепском языке (*kesä* 'лето', *kesanto* ~ *kesäntö* 'земля под паром') и 5) слова, которые встречаются в финских восточных диалектах, карельском ливвиковском, а иногда и людиковском диалектах (*ilta* 'вечер', *vehnä* 'пшеница'). Т. Итконен (Хельсинки) рассматривал взаимосвязи лексики диалектов прибалтийско-финского праязыка и протосаамского языка. Он выделил в прибалтийско-финском праязыке три предполагаемых диалекта: на территории Западной Финляндии якобы говорили на северном, на территории Эстонии — южном, а за Чудским и Псковским озерами, очевидно, — восточном диалектах. Общих для северного диалекта и саамского языка он обнаружил, например, 52 слова, что, однако, совсем не обязательно является окончательным числом.

К перечисленным докладам примыкает выступление П. Лизанца (Ужгород), посвященное контактам венгерского языка и украинских диалектов в лингвогеографическом аспекте.

Заимствования были объектом внимания и других докладов. Так, В. Бондалетов (Пенза) говорил о финно-угорских, тюркских и индоевропейских (греческих) заимствованиях в восточнославянских арго, Ю. Койвулехто (Хельсинки) — о датировании германских заимствований в финском языке.

Интересным был доклад автора книги «*Nykyslangin sanakirja*» К. Карттунена (Хельсинки) о положении с заимствованием в финском арго. Ученый пришел к выводу, что в первые десятилетия этого века доминировавший заимствованный элемент (60% слов арго заимствовано из шведского языка) в два последние десятилетия в основном заменен словами родного языка (63%).

В ряде докладов рассматривались проблемы финского языка. А. Флинт (Нью-Йорк) говорил о семантической структуре финской лексики, Р. Хаарала (Хельсинки) — о принципах терминологической работы, А. Хухтала (Хельсинки) — об идиомах в словаре «*Uudissanasto 80*» и Я. Сивула (Хельсинки) — о неполных парадигмах некоторых диалектных слов.

В. Ляшев (Сыктывкар) показал диалектное членение древнекоми языка, И. Тараканов (Ижевск) анализировал

глагольные конструкции в пермских и марийском языках, Э. Сий (Будапешт) говорила о терминах родства в пермских языках.

Г. Керт (Петрозаводск) рассказал о сравнительном изучении карельского, вепского и саамского языков, О. Пенавин (Нови Сад) — о поговорках и выражениях венгров, проживающих в Югославии, Э. Ружицки (Будапешт) — о точках соприкосновения синонимии и ономастиологии и т. д.

Ономастике было посвящено лишь пять докладов. М. Атаманов (Ижевск) рассмотрел исторические пласты удмуртской антропонимии. На протяжении веков удмурты соприкасались со многими народами. Естественно, это оставило следы и в их антропологии, где встречаются

иранские, угорские, тюркские и русские элементы. В наше время, однако, используются преимущественно русские личные имена. Только в южной части республики люди старшего поколения еще носят имена удмуртского и тюркского происхождения.

Доклад Ф. Гордеева и И. Галкина (Йошкар-Ола) о марийских топоформантах зачитал первый из авторов. Н. Мамонтова (Петрозаводск) говорила о вепском субстрате в топонимах ареала ливвиковского диалекта в Карельской АССР, А. Туркин (Таллин) — о карельско-вепских топонимах на территории Коми АССР, а Я. Симм (Таллин) — о соотношении реально существующих и встречающихся в эстонском фольклоре топонимов.

А. ЛААНЕСТ, М. РЕММЕЛЬ, А. КЯХРИК, А.-Р. ХАУЗЕНБЕРГ, Я. СИММ
(Таллин)